

Стружанина

Дорогой т. Сталин!

Только что вернулся от т. Ежова, который показал мне клеветнические, мерзкие показания Рейнгольда и Голубенко. Я понимаю, что эти люди потерявшие все что есть хорошего в человеке, ставшие бандитами-убийцами, пытаются забросать грязью и меня. Я понимаю, что Вы, выдавший столько предательств не можете не взять меня под подозрение, тем более, что благодаря своему недопустимому ротозейству я прозевал врага у себя в доме. Поймите меня: как я могу рассеять в Ваших глазах, в глазах Серго, в глазах ЦК, в глазах партии эту клевету? Эти мерзавцы так изолгались, так обманывали всех, что и честный человек, каким я был и есть, чувствует, что клевета к нему как-то липнет и его словам нет полной веры.

Именно вследствие того, что я не двурушнически, не политиканствую, а честно, безповоротно рассчитался со своим тяжелым прошлым, именно это вселяло и вселяет в этих негодяев ненависть ко мне и им ничего не стоит на меня клеветать и лгать.

Что я могу противопоставить этой клевете? Всю свою жизнь и работу после разрыва с оппозицией. Она ведь на виду у всех. У меня не было скрытой жизни. С утра до глубокой ночи в Наркомате я по мере сил и способностей старался на деле, на практике проводить линию партии, Вашу линию т. Сталин. Не раз мне приходилось выступать публично, не с покаянными хитрящими речами, а в защиту той огромной работы, которая ведется в нашей стране. Тысячи

разговоров, которые я вел, всегда были проникнуты бодрой уверенностью в правильности того, что все мы, Вы, Политбюро, ЦК и я в этом числе делаем. По своей собственной инициативе я создал журнал "СССР на стройке", которым руковожу более 6 лет - ведь весь этот журнал, мое детище, главным редактором которого я состою и сейчас есть панегирик нашему социалистическому строительству, нашей партии, нашему ЦК, нашим вождям и особенно Вам. В день Вашего 50-летия, никто мне не предлагал этого делать, я написал о руководстве партией и о Вашем руководстве то что думал и думаю. Я стал верным сталинцем. Это дало мне величайшую радость в жизни. Никогда, никогда еще я не жил такой полной, радостной жизнью именно потому, что у меня никакого внутреннего разлада не было. Наоборот, я чувствовал себя участником величайшего исторического дела и это наполняло меня радостью и гордостью. Все эти Троцкие, Каменевы, Зиновьевы и прочие негодяи, докатившиеся до роли белогвардейско-фашистских убийц меня интересовали как прошлогодний снег.

И вдруг какой-то лгун и мерзавец говорит, что я не мыслю себе руководство партией без этих бандитов, а другой договорился даже до того, что я чуть-ли не давал указание о необходимости убить Вас, Вас, которому я предан до конца, которого я люблю и уважаю, которым я горжусь! Ведь это-же чудовищно!

Я за эти тяжелые для меня дни продумал всю свою после оппозиционную жизнь. Искал - не было-ли у меня где-либо

какой-либо червоточины, внутренней гнильцы, колебаний, сомнений. Нет и нет. Я не нашел ни единого пятнышка! Правда, есть не пятнышко, а большое пятно - это дело моей бывшей теперь жены (говорю бывшей потому, что, разумеется, сейчас не считаю ее своей женой). Я виноват в том, что слишком ушел в работу и небрежно, халатно, ротозейски относился к тому, что было у нас в доме. В этом я виноват.

И все-же клеветники из этой бандитской шайки могут говорить против меня все, что угодно и я бессилён опровергнуть эту клевету. Я говорил сотни, тысячи раз, что счастье для партии, что контрреволюционный блок Троцкого-Зиновьева разбит, что партия имеет замечательное руководство, что генерал Сталина позволил нам замечательно справляться с рядом трудностей, я говорил, что у нас сейчас замечательный, прозорливый и крепкий ЦК, что руководство партией и государством у нас впервые образовалось такое сплоченное, крепкое, прозорливое и правильное, а какой-нибудь Рейнгольд утверждает, что я ему говорил, что без Каменева, Зиновьева, Троцкого я себе не мыслю руководство партией! И опровергнуть я эту клевету ничем не могу. Он лжет и будет лгать, а я могу только сказать, что я этого не говорил! Я готов умереть за партию и за Вас, а какой-нибудь Голубенко утверждает, что я чуть-ли не натравлял на Вас лично и высказывался в контрреволюционном духе. Я Голубенко рассказывал, как у нас хорошо идут дела, а он говорит обратное.

Это просто кошмар какой-то!

Чтобы не произошло, т. Сталин, чтобы эти мерзавцы не клеветали я заявляю Вам, что ^Ясделался твердым, убежденным, преданным сталинцем и таким останусь. Вы знаете мое прошлое. Я имею за собой тяжелые политические ошибки. Уже 8 лет как мне удалось сбросить груз этих ошибок, я разделался с ними. Я с полным убеждением говорю, что я сделался сталинцем и как сталинец честно, твердо, не шатаюсь и не колеблясь вел свою работу, которая мне была поручена, вся жизнь была проникнута этой идеей. Чтобы Вы и ЦК не решили - я останусь таким же преданным сталинцем, каким я сделался. А мерзавцы, клеветники и бандиты могут говорить все что им угодно. Вы и те кого я люблю и уважаю вправе отнестись к моему заявлению недоверчиво, но я то сам знаю, что я думаю, что я чувствую, что было и чего не было. Именно поэтому я говорю, что клеветники могут клеветать, а я сталинцем был и останусь.

Г. ПЯТАКОВ.

11.УШ.36г.

Хочу еще добавить.

У меня есть девочка 14 лет - пионерка. Я ей позавчера об"яснял: есть партия и есть враги партии. Эти враги Троцкий, Каменев, Зиновьев и другие. Твоя мать пошла по пути врагов, поэтому у тебя нет матери. Девочка поняла это и сказала, что будет помогать отцу. Серго спросил меня: готов ли я выступить обвинителем против этих бандитов - для меня это было радостью. Из-за клеветы я лишен теперь воз-

44
140

возможности выступить. Ненависть моя к этим людям столь велика, что если я имею возможность на процессе в лицо бросить все обвинения, то я-бы с радостью привел бы лично приговор об их уничтожении в исполнение и не тихонько, а публично.

Я тяжело расплачиваюсь за свои ошибки, бывшие больше 8 лет тому назад. Это не сломит меня и не беспокоит. Нестерпимо-мучительна одна мысль: что Вы, Серго, Молотов, Ворошилов, Каганович и другие можете подумать, что я кривил душой, жил политически не честно, имел хотя бы что-нибудь общего со всей этой шайкой (если не прямо, то косвенно). Трудно перед лицом развернувшейся грязной лжи этих негодяев просить Вас поверить мне. Но я надеюсь, что дальнейшей своей жизнью, работой и если нужно будет смертью я покажу снова и снова, что мой разговор с Вами в феврале 1928 года был не политической игрой, не "ходом", а честным разговором человека, который свои ошибки и свою вину перед партией понял, продумал и прочувствовал до конца.

